

На правах рукописи

Морозов Николай Александрович

**ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ:
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ**

12.00.08

(уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук

Москва - 2016

Диссертация выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный университете имени М.В. Ломоносова (юридический факультет)»

Научные консультанты:

Квашис Виталий Ефимович
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор
Коробеев Александр Иванович,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Гилинский Яков Ильич,
доктор юридических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», кафедра уголовного права, заведующий кафедрой

Голик Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», кафедра уголовного права и криминологии

Иншаков Сергей Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», юридический факультет, кафедра международного и конституционного права

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Защита состоится 19 апреля 2016 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.73 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, строение13-14, (4 гуманитарный корпус), юридический факультет, ауд.535а.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: Москва, 119992, Ломоносовский проспект, 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, комната 812 и на сайте www.istina.msu.ru

Автореферат разослан « ____ » января 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Арутюнян А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Японский опыт противодействия преступности, японское право и правоприменительная практика, благодаря своей уникальности, вызывают в мире все больший интерес. Между тем, в отличие от изучения истории, культуры, экономики, политики и других сфер общественной жизни, в отечественном японоведении до сих не уделяется достаточного внимания таким важным составляющим, как уголовная политика, практика эффективного противодействия преступности, общественная психология и правосознание, меняющиеся под воздействием вестернизации образа жизни и других процессов, вызванных глобализацией. Внимание к отдельным сторонам названной проблематики носило и носит амплитудный характер; эпизодические всплески интереса к ним зависят либо от политической конъюнктуры, либо от экономических потрясений или иных внешних причин. Наличие отдельных интересных криминологических и правовых исследований (проведенных в основном в 1970–1980-х гг.) не снимает проблемы, ибо их итоги не систематизированы, не объединены общей концепцией и комплексным анализом, и потому как в научном, так и в практическом плане остаются недостаточно востребованными. В результате уникальный во многих отношениях феномен японской преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в отечественной правовой литературе во многих отношениях еще остается своего рода белым пятном¹.

Между тем в условиях, когда бессистемное реформирование российского уголовного законодательства и практики его применения не приносит ожидаемого эффекта, отсутствие интереса к перспективам и необходимой адаптации позитивного опыта соседней страны нельзя признать оправданным. Как заметил российский исследователь японского права В.Н.

¹ Коробеев А.И., Михеев Р.И. Предисловие к монографии Н. А. Морозова «Преступность и борьба с ней в Японии». – СПб., 2003. – С. 8.

Еремин, «...сей феномен равнодушия просто трудно объяснить»². Во-первых, этот опыт интересен уже потому, что Япония довелось, как минимум дважды, пережить бум преступности в крайне сложной социально-экономической ситуации переходных периодов. Во-вторых, как это не покажется неожиданным, в диссертационном исследовании показано, что в менталитете, психологии и поведении россиян и японцев есть немало сходных моментов. Более глубокие причины, по мнению японоведов, состоят в угрозах взаимопроникновения транснациональной преступности, в защите интересов бизнеса в обеих странах; в Японии понимают важность приобретения – в лице России – надежного соседа, отличающегося стабильностью и предсказуемостью политики. В этом контексте организация эффективного противодействия преступности играет важную роль.

Исследование преступности и уголовной политики другого государства, криминологических и уголовно-правовых аспектов, связанных с особенностями его исторического, социально-экономического, политического и культурного развития, прежде всего предполагает выбор подхода к систематизации и интерпретации накопленной информации. Поиски такого подхода приводят к теоретическим достижениям в области профильных наук – криминологии, уголовного права, уголовной политики, социологии преступности, сравнительного правоведения и других отраслей науки, накопивших богатый материал и разработавших методологию, применимую к исследованию указанной темы.

Опора на столь обширный материал позволяет основываться на методе компаративного анализа – сравнительного криминологического и уголовно-правового исследования, который в разработке названной проблематики в отечественной литературе не использовался.

Комплексного анализа широкого круга криминологических и уголовно-правовых аспектов проблематики преступности и уголовной политики в

² Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью: Знакомьтесь – Япония. – М., 1998. – Вып. 21. – С. 4.

Японии в качестве самостоятельного диссертационного исследования еще не проводилось, а их еще недостаточная разработка свидетельствует об актуальности темы представленной диссертации.

Степень научной разработанности темы. Применительно к правовым и особенно криминологическим аспектам темы невозможно недооценить вклад в решение методологических проблем, внесенный трудами Г.А. Аванесова, А.И. Алексеева, М.М. Бабаева, Я.И. Гилинского, Ю.В. Голика, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.Е. Квашиса, М.П. Клейменова, А.И. Коробеева, В.В. Лунеева, В.А. Номоконова, Э.Ф. Побегайло, И.М. Рагимова, А.М. Яковлева.

Теоретической базой для уголовно-правового анализа послужили фундаментальные труды С.В. Бородина, А.Э. Жалинского, М.Н. Гернета, Ю.В. Голика, П.С. Дагеля, В.Н. Еремина, В.Н. Кудрявцева, А.И. Коробеева, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумова, А.А. Пионтковского, Ю.Е. Пудовочкина, а также труды видных японских правоведов: К. Вати, Х. Ито, Ц. Инако, К. Мицдзава, И. Маэно, М. Моримото, К. Накаямы. Х. Ода, К. Ооцуки, Ё. Сугияма, Н. Сато, С. Сугивара, К. Токоро, К. Уэда, К. Хамаи, К. Хосино, К. Ямомото, К. Ясухиро и других ученых.

Большой вклад в разработку смежных и специальных проблем криминологии, уголовного права и сравнительного уголовного права внесли труды О.Н. Ведерниковой, С.М. Иншакова, В.Е. Квашиса, Н.Е. Крыловой, И.М. Клейменова, М.П. Клейменова, Л.В. Кондратюка, А.Л. Репецкой, В.С. Овчинского, А.В. Серебренниковой, В.И. Селиверстова, А.В. Федорова, Ч. Беккария, И. Бентама, Ф. Листа, Г. Тарда, Э.Ферри, М. Анселя, Т. Селлина, Р. Давида, К. Жеффре-Спинози, Н. Кристи, М. Фуко, Р. Худа.

Разработке отдельных аспектов проблемы преступности и уголовной политики Японии посвящены исследования Ю.Н. Аргуновой, О.А. Беляевской, В.Н. Еремина, А.М. Иванова, В.Е. Квашиса, В.В. Лунеева, А.И. Коробеева, А.Г. Корчагина, Р.И. Михеева, В.А. Номоконова, И.Б. Тё, А. Дубро, Д. Каплан, А. Кестлера, В. Рамзеса, А. Ранкина,

П. Шмидт и др. авторов. При этом большая часть трудов российских ученых посвящена, главным образом, либо преступности несовершеннолетних, либо организованной преступности, либо общей характеристике уголовного права Японии. При всей ценности и несомненных достоинствах этих работ часть из них относится к 1970–1980-х гг., или к началу 1990-х гг., и потому во многом носит по отношению к представленному исследованию ретроспективный характер и не отражает масштабных изменений в динамике и структуре современной преступности, в уголовном законодательстве и правоприменительной практике. А другие исследования – в силу специализации объекта анализа – не могли составить комплексную картину явления. В значительной степени этот пробел восполнили более поздние исследования С.М. Иншакова, В.Е. Квашиса и А.И. Коробеева. Определенную лепту в решение этой проблемы старался внести и автор своими научными исследованиями в Японии (под руководством профессора университета Кэйо Ё. Синдзи и профессора Токийского государственного университета А. Коморида), диссертационными исследованиями в докторантуре МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Н.Ф. Кузнецовой, многолетней самостоятельной научной работой в Юридической школе Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) – в Центре сравнительного правоведения и мониторинга законодательства России и стран АТР, Лаборатории по изучению проблем противодействия терроризму и экстремизму в России и странах АТР, Межрегиональном институте общественных наук, а также в Центре стратегических исследований МГУ.

Между тем за рамками научного анализа еще остается значительная часть проблем эволюции современной преступности, качественных трансформаций ее основных составляющих, особенностей причинного комплекса, развития уголовной политики Японии в условиях глобализации, реализации её основных направлений, предметного анализа различных аспектов правоприменительной практики. Указанные направления анализа

до настоящего времени не были объединены в рамках специального диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются основные тенденции и особенности преступности в современной Японии, ее криминологическая и уголовно-правовая политика и правоприменительная практика в условиях глобализации, организация противодействия преступности и ее эффективность.

Предметом исследования выступают данные уголовной статистики Японии, результаты научных изысканий в области криминологической и уголовно-правовой политики современной Японии, законодательство в сфере борьбы с преступностью и практика его применения.

Цель диссертационного исследования – комплексный анализ японского опыта организации противодействия преступности и контроля над ней для подготовки научно обоснованных предложений и рекомендаций по его использованию в процессе совершенствования общей стратегии борьбы с преступностью в России, реформирования уголовного законодательства и повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Для достижения указанной цели были поставлены **задачи**, решение которых составило содержание настоящей работы: провести анализ национальной и международной статистики и социологической информации и представить общую характеристику преступности в Японии за период 1990–2014 гг., показать основные тенденции в ее эволюции; выполнить сравнительное исследование основных показателей и тенденций развития преступности в Японии и других развитых странах (США, Германии, Франции, Великобритании и России) за 1990–2014 гг.; определить характер и содержание качественной трансформации основных составляющих преступности, отражающей специфику развития криминальной ситуации в Японии (преступность несовершеннолетних, геронтологическая преступность, наркопреступность, компьютерная преступность, организованные преступные сообщества); провести криминологический и

социологический анализ особенностей развития феномена организованной преступности в Японии и ее взаимодействия с транснациональной преступностью; выявить основные особенности причинного комплекса преступности, специфику факторов, противодействующих и способствующих преступности, особенности их формирования, взаимодействия и влияния на криминальную ситуацию на разных этапах развития японского общества; раскрыть психологические особенности формирования и состояния массового сознания, его отношения к преступлению и преступнику; представить концептуальную основу уголовно-правовой политики Японии, дать общую характеристику уголовного законодательства и практики его применения; показать основные направления и особенности реализации уголовно-правовой политики в современной Японии, организацию, функции и эффективность системы уголовной юстиции, выделив специфику деятельности полиции, судебных органов, пенитенциарных учреждений и других органов социальной защиты; проанализировать особенности и основные тенденции в практике назначения различных мер наказания; рассмотреть специфику основных черт японского уголовного законодательства, тенденций в практике применения и исполнения смертной казни; дать характеристику состояния общественного правосознания, отношения общественного мнения к смертной казни и перспективам ее применения.

Методология и методика исследования. Методологическим инструментом исследования явились фундаментальные разработки отечественной и зарубежной криминологии, а также теории российского и японского уголовного права, требования к научному анализу, методологические принципы юридических и социальных наук. В исследовании соблюдались также методологические принципы и технологические приемы комплексного междисциплинарного анализа, что в целом способствовало обеспечению достоверности и надежности результатов научного поиска.

Общеметодологическую основу настоящего исследования составили базовые положенияialectического метода познания, использование общенаучных и частнонаучных методов познания социально-правовой действительности, позволяющие в системном виде показать специфический характер и особенности теории и практики, а также качественные изменения в процессе развития исследуемых явлений. При анализе тенденций развития преступности, её основных составляющих и их качественных трансформаций на разных этапах развития японского общества изучаемого периода, причин и факторов преступности, криминологической и уголовно-правовой политики, законодательства и различных аспектов практики его применения, состояния общественного правосознания и т.д. — комплексно применялись методы: системно-структурный, исторический, формально-логический, сравнительный (сравнительно-правовой и сравнительно-криминологической); математико-статистические (анализ динамических рядов, группировки, ранжирование, выявление корреляционных связей, расчеты вероятности вынесения и исполнения приговора); конкретно-социологическая методика (анкетирование, опросы, фокус-группы японских студентов); метод «включенного наблюдения» (в ходе четырехлетней научной стажировки и исследований на юридических факультетах университета Кэйо и Токийского университета и последующей работы в Японии); контент-анализ официальных документов, в том числе решений Верховного Суда Японии, апелляционных судов, Верховного Трибунала, материалов японской и зарубежной периодической печати); психологического анализа; криминологической типологии, что позволило исследовать рассматриваемые проблемы во взаимосвязях и взаимозависимостях, а также в их целостности.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные труды и результаты исследований отечественных, японских и других зарубежных ученых в области криминологии, уголовного и уголовно-процессуального права, социологии, сравнительного

правоведения, социальной психологии, политологии, культурологии, философии и истории Японии и других зарубежных стран.

Нормативно-правовая база исследования представлена Конституцией Японии, Уголовным кодексом Японии, специальным уголовным и иным отраслевым законодательством, международно-правовыми документами, нормативно-правовыми актами (законами), принятymi Парламентом и Кабинетом Министров Японии, постановлениями Верховного Суда Японии (Judgment of the Supreme Court – Кэйсю), решениями апелляционных судов (Judgment of Appellate Court – Ко:Кейсю) и Верховного Трибунала Японии (Judgment of the Supreme Tribunal – Кэйроку), а также в плане сравнительного исследования Конституцией России, Уголовным кодексом России, нормативных актов других стран.

Эмпирическая база исследования сформирована с учетом объекта и предмета исследования, а также 20-летней разработки темы. Она включает в себя: первичные источники, публикуемые Министерством юстиции Японии ежегодные статистические данные Верховного Суда, Прокуратуры, Главного управления полиции, Бюро тюрем и других органов о состоянии преступности и различных аспектах правоприменительной практики за 1990–2014 гг.: «Белая книга преступности» (White Paper on Crime – Хандзай хакусё); ежегодные статистические отчеты и обзоры Главного управления полиции Японии о состоянии и практике противодействия преступности за 1987–2014 гг. («Белая книга полиции» – White Paper on Police – Кэйсацу хакусё) и «Полиция Японии» – (Police of Japan); статистические ежегодники юстиции (Сихо токэй нэнкан); ежегодники уголовной статистики (Кэйдзи токэй нэнкан); статистические ежегодники Японии (Нихон токэй нэнкан); результаты опросов общественного мнения, проведенных Канцелярией Кабинета министров, общественными организациями и средствами массовой информации, а также материалы правозащитных и других общественных организаций по вопросам противодействия преступности и применения различных мер ответственности и наказания; статистические данные ФКУ

«Главный информационно-аналитический центр МВД России» о состоянии преступности, лицах, совершивших преступления, и потерпевших от преступлений с 1996 по 2014 г.; Судебного Департамента при Верховном Суде РФ и ФСИН РФ; материалы переписей населения, а также специальной переписи осужденных; социологические отчеты об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ; статистическая информация о преступности в других зарубежных странах, публикуемая ООН, Евростатом и Интерполом, обзоры и специальные исследования, проведенные ООН и другими международными и научными организациями, посвященные практике борьбы с различными видами преступлений, международные сравнительные исследования виктимизации; результаты криминологических, правовых и социологических исследований отечественных, японских и других зарубежных авторов; разнообразные научные и литературные материалы по истории, психологии, культуре и другим аспектам японской общественной жизни, а также материалы периодической японской и зарубежной печати.

В диссертации представлены также результаты пяти эмпирических исследований, проведенных автором в Японии в 1998, 2005-2008 и 2015 г.г., предметом которых являлись изучение общественного мнения населения и практических работников правоохранительных органов относительно критериев общественной опасности двадцати видов правонарушений и целесообразных мер наказания, а также их соответствия уголовному закону и судебной практике; сравнительное исследование отношения опрашиваемых к преступности; исследование уровня доверия к правоохранительным органам; трансформации общественного сознания японцев в отношении к преступности и преступникам.

Научная новизна исследования. Диссертация является одним из первых комплексных монографических исследований, посвященных ранее не изученным проблемам криминологической и уголовно-правовой политики

противодействия преступности и правоприменительной практике в современной Японии.

Новизной отличается ряд конкретных положений работы: авторская интерпретация основных тенденций развития преступности, её диагностических и перспективных прогностических оценок; развернутая характеристика качественных трансформаций основных составляющих современной преступности, причем некоторые из них – геронтологическая преступность, наркопреступность, компьютерная преступность и др. анализируются впервые; отличительные черты этиологической системы преступности в Японии; особенности формирования и развития массовой психологии и общественного правосознания; характеристика основных направлений реализации уголовно-правовой политики (деятельность полиции, судебных органов и пенитенциарных учреждений); анализ особенностей и тенденций судебной практики по применению мер ответственности и наказания за различные преступления; впервые проведенное сравнительное криминологическое исследование основных показателей преступности и эффективности правоприменительной практики в Японии и России, а также в других развитых странах; специфика осуществления назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы, или смертной казни; состояние общественного мнения относительно практики применения наказания за наиболее опасные преступления.

В диссертации широко используется зарубежная криминологическая и правовая литература, в том числе свыше 150 источников на японском и английском языках, большинство из которых впервые представлено российской научной аудитории.

Научную новизну исследования отражают следующие основные положения, выносимые на защиту:

1. Уникальность японского феномена преступности заключается не только в ее низком уровне, но и в том, что **только японцы выражают**

уверенность, что в перспективе им удастся создать общество, свободное от преступности. Именно в этой стране избавление от преступности становится современной идеей, объединяющей нацию. Такова глобальная цель японской уголовной политики. Эта амбициозная цель и эффективные средства ее достижения крайне актуальны для внедрения в российскую криминологию и правоохранительную практику, в которой, как известно, приоритет получила точка зрения на цель борьбы с преступностью лишь как на достижение «социально приемлемого уровня её контроля» со стороны государства.

Выполненный в работе статистический анализ динамики преступности убедительно показывает возможность реализации в Японии цели подавления преступности, по крайне мере наиболее социально опасной насильственной и уличной преступности. Этот сдержанный, но оптимистический прогноз подтверждается не столько многолетними наблюдениями и даже не экстраполяцией продолжительных позитивных тенденций, сколько эффективностью и стабильностью курса уголовной политики Японии.

2. Проведенный в диссертационном исследовании факторный анализ позволяет выявить основные **причины феномена стабильно низкого уровня преступности Японии**, вытекающие из особого уклада японского общества: гармоничное сочетание традиционных ценностных ориентаций с новациями западной цивилизации, стабильность законодательства, преемственной политики, согласованность государственных и социальных форм контроля над преступностью с доминирующей ролью исторически устоявшихся социально-психологических факторов, скрепляющих социум, но не тормозящих развитие. Мощный **антикриминогенный потенциал национального традиционализма** блокирует социальные девиации и криминальные инициативы еще на уровне мотивации. В условиях политико-экономической стабильности как основного условия развития страны все это определяет эффективность системы противодействия преступности, которая, выражается в тенденции последовательного (в т.ч. в последний период 2005-

2016 гг.) сокращения преступности, её относительно низком уровне и все более заметном повышении уровня общей безопасности. Таким образом, специфика криминологического феномена Японии состоит в том, что в его формировании определяющую роль играла редкая по своеобразию совокупность позитивных факторов, противодействующих, а не способствующих, как в других странах, развитию криминальных процессов. Эти факторы явились детерминантами формирования направленности и эффективности уголовной политики Японии.

3. Несмотря на то, что криминальная активность в Японии, где население придерживается своих традиционных нравственных ценностей, значительно ниже, чем в обществах современного западного стереотипа поведения, вестернизация второй половины XX века привела к «усталости» и всплеску несолидарности (в первую очередь молодежи) с обществом. Традиционное общество оказалось не готово к вызову (потому и произошел скачек преступности 1989-2002), однако уголовная политика государства пошла не по пути усиления репрессии, а по пути **мобилизации общества на борьбу с растущей преступностью**. Традиционные механизмы больших семей, соседских общин, патерналистских ценностей трансформировались и укрепились в новых условиях. Эффективный в деревнях «соседский контроль» стал в городах «офисным» (по месту работы), были внедрены дружины в городах, «западные» меры безопасности (например, жители городов стали закрывать двери, а затем и повсеместно внедрять системы видеонаблюдения и контроля доступа). В результате очевидное снижение уровня не было связано с ростом численности полицейских, она практически не изменилась (плотность «полицейского прикрытия» в Японии по-прежнему значительно ниже, чем в других развитых странах, - 197 полицейских на 100 тыс. населения, в то время как в Великобритании – 231, ФРГ – 304, во Франции – 375.

4. Ретроспективный анализ хронологии пиковых показателей преступности за весь послевоенный период указывает на **цикличность**

неблагоприятных изменений преступности на разных этапах развития страны. Это подтверждает обоснованность выводов о том, что всплески преступности являются синхронными повторениями не только экономических кризисов, но любых резких поворотов социально-экономического развития общества, как на примере Японии - процесса «вестернизации». Так на разных этапах модернизации страны под влиянием негативных внешних факторов заметно слабели критерии и идеалы традиционного для японцев правопослушного поведения, меняясь нравственная атмосфера, формировалась субкультура, противоречащая традиционным устоям и общепринятым нормам. Все это наряду с формированием молодежной субкультуры, иной системой ценностных ориентаций, игнорирующей традиционные поведенческие стереотипы и правовые запреты, приводило (и приводит) к новым криминогенным противоречиям, стоящим на пути развития общества.

5. Исследование показало, что перспективы развития криминальной ситуации в Японии следует связывать не столько с количественными, сколько с её качественными изменениями. Ибо при доминирующей тенденции к снижению преступности её **качественные трансформации** в ряде отношений еще развиваются в неблагоприятном направлении. К числу таких вызовов следует отнести изменения в характере и интенсивности молодежной преступности; негативная динамика геронтологической преступности; изменения в характере и структуре наркопреступности; качественные трансформации преступности в сфере высоких технологий; изменения в тактике и характере криминальной активности организованных преступных сообществ.

6. **Сравнительный анализ** динамики преступности в Японии и других развитых странах показал, что даже в неблагоприятные периоды основные индикаторы и характеристики преступности в Японии всегда выгодно отличаются – по уровню, динамике и структуре преступности,

раскрываемости, латентности³, масштабам применения лишения свободы, числу заключенных. Исследование позволило сделать выводы о долговременных и более благоприятных в целом изменениях и тенденциях по сравнению с другими странами. В связи с этим суждения о том, что под воздействием интеграционных процессов происходит бесспорное выравнивание уровня преступности в разных странах, ее количественных и качественных показателей, либо о том, что динамика этих показателей однозначно идет лишь в неблагоприятном направлении, представляются упрощенными.

7. Сравнительный анализ преступности в Японии и России выявляет ряд схожих факторов, влияющих на преступность: в обеих странах общество традиционного коллективистского типа, подвергающееся влиянию «вестернизации»; глобальные скачки преступности вызваны переходом стран от закрытой плановой экономики (в Японии в 50-е гг., в России в 90-е гг.) к конкурентному рынку. Для России крайне актуален и приемлем японский опыт мер социального контроля, сохранения и использования коллективистских традиций противодействия делинквентному поведению, концентрациях усилий на профилактике мерах в сотрудничестве с местной общественностью в снижении насилиственной виктимизации. Однако меры реагирования на преступность в переходный экономический период в России были не адекватны, и потому в отличие от Японии не так эффективны. Потому ряд показателей стран диаметрально противоположен: например, к 2013 г. доля ареста среди других мер пресечения в Японии составляла – 14%, в России – свыше 30%; в структуре наказаний доля штрафа в Японии – 89 %, в России – 14 %; доля наказаний в виде лишения свободы в Японии – 14%, в России – 32%; число заключенных на 100 тыс. населения в Японии – 51, в России – 615.

³ Исследование подтвердило особую актуальность проблематики латентности для анализа преступности в России, где оценка деятельности полиции, соотносимая лишь с данными о зарегистрированной преступности, не будет отражать реального положения вещей.

8. Исследование феномена **организованной преступности** показало многоплановую специфику его формирования и функционирования, редкое по интенсивности влияние на японское общество, массовую психологию, экономику, власть и бизнес, место в системе транснациональной организованной преступности. Основными направлениями активизации борьбы с организованной преступностью являются: изоляция членов ОПГ путем масштабных арестов и наказания; ограничение источников доходов ОПГ путем полицейской защиты бизнеса от рэкета, усиления контроля за оборотом наркотиков, проституцией; использование специального антимафиозного законодательства, конфискация преступных доходов; социальная кампания поддержки полиции местными общинами с целью защиты населения и бизнеса от влияния криминальных группировок. Решительное наступление на организованную преступность, ужесточение законодательства, невиданная жесткость предпринятых в начале XXI века мер, организованное общенациональное противодействие, привели к потери традиционной ниши организованной преступности в японском обществе, последовательном ее вытеснении. Психологическая атмосфера вокруг «якудза», основанная на страхе и вынужденном сотрудничестве, меняется - социальная почва организованной преступности уходит, а привычные представления об этом явлении, становятся ритуальными артефактами.

9. Взаимодействие негативных факторов и явлений отрицательно влияет на массовое правосознание, на его восприятие и оценку противоправного поведения, а также на отношение к преступнику. Проведенное автором социологические исследования динамики отношения японцев к преступлению и преступникам за последние два десятилетия позволило сделать выводы о том, что, хотя в массовом сознании асоциальное поведение, как и прежде, порицается, – японское общество стало более толерантно относиться к негативным поступкам, особенно подростков, воспитывающихся не только на догматах традиционной семьи, уважении к

старшим, послушании и скромности, но и на образцах «свободной», «западной» жизни.

Как ответную реакцию на такие изменения в общественном мнении к непреступному, но асоциальному поведению можно рассматривать такую особенность уголовной политики Японии как сознательное **преувеличение опасности преступности**. Так, виктимологические исследования подтверждают, что полиция Японии завышает оценку уровня латентной преступности. А СМИ, например, начинают широкое общественное обсуждение после каждого жестокого преступления, внедряя в массовое сознание ощущение недостаточной защищенности и безопасности. Отсюда рост ригоризма в общественном сознании, требования ужесточения мер наказания, что особенно заметно проявляется в стабильно высоком уровне поддержки смертной казни. Однако в этом видится достоинство, а не недостаток уголовной политики. Общество в целом по-прежнему занимает активную позицию, резко и нетерпимо реагирует на преступность, требует от государства эффективности в борьбе с ней, принимая также и все меры личной предосторожности.

10. Эффективное воздействие на преступность одновременно является и результатом, и одним из краеугольных камней социального согласия, экономического процветания и политической стабильности японского общества. Исследование раскрывает универсальный характер **принципов уголовной политики Японии**: доминированием мер социального контроля над государственным; экономии уголовной репрессии; бессмысленности сверхкriminalизации деяний и ужесточения уголовных санкций; эффективности системы профилактики; вовлечение широких слоев населения в воспитательно-принудительную работу. В итоге, делегируемые обществу правовые полномочия вызывают репрезентативность мышления и поведения, создают особые поведенческие стереотипы, позволяющие качественно изменить жизнь страны. Исповедуя конфуцианский постулат о снисхождении к преступнику, японская правоприменительная практика

основана на рациональном применении мер принуждения за счет применения всего комплекса профилактических мер, которыми располагает общество и которые все активнее используются за пределами системы уголовной юстиции: широкий диапазон судейского усмотрения; экономия назначения меры пресечения в виде ареста; превалирование видов уголовного наказания, не связанных с лишением свободы, в первую очередь штрафов; использование отсрочки исполнения приговора (55%) и условно-досрочного освобождения (51%).

11. Эффективным инструментом государственной политики борьбы с преступностью в Японии являются принимаемые Кабинетом министров и неукоснительно реализуемые «Планы по созданию общества с низкой преступностью» (APCCS (The Action Plan to Create a Crime Resistant Society)), которые обязательно интегрируются в социально-экономические планы развития Японии, государственный бюджет и законодательство. Национальное полицейское агентство в свою очередь принимает планы реализации комплексных мер по снижению уровня уличной преступности в каждой префектуре, ориентированные на специфику местной ситуации (вплоть до каждой общины), разрабатываемые, финансируемые и исполняемые в тесной коопeraçãoции с муниципальными властями и местными общественными организациями. Особенность японских планов борьбы с преступностью в том, что они не являются ведомственными, их цель – повышение роли общественности в деле и поддержка общественных инициатив, реализации социальных мер, направленных на снижение преступности устранении бюрократизма и ведомственной разобщенности. Главной задачей ставятся конкретные индикаторы эффективности, в т.ч. ежегодное снижение преступности, повышения уровня доверия к правоохранительным органам. Таким образом, уголовная политика Японии направлена **не столько на борьбу с последствиями (существенно с преступностью), а на ее причины – на изменение социальной среды.** Отличительные особенности такой уголовной политики:

последовательность, плановость, обязательная интеграция в бюджетное законодательство и приоритет социального контроля над ведомственным.

12. Сложившуюся практику применения мер ответственности и наказания в Японии не следует, однако, оценивать как излишне либеральную. Отличительной характеристикой уголовной политики Японии является своевременное адекватное реагирование правоприменительной практики на изменения криминальной ситуации. Так, данные уголовной статистики всплеска преступности начала XXI века указывают на то, что, в структуре назначенных наказаний удельный вес лишения свободы за эти годы вырос в 2,5 раза (с 5,8% до 14,6%); соответственно, за счет роста лишения свободы заметно снижается доля наказаний в виде штрафов (с 94 до 85%). Это одновременно свидетельствует и о качественных изменениях преступности, и об ужесточении судебной практики по делам о наиболее опасных преступлениях. Таким образом, правоприменительная практика адекватно реагирует на изменения криминальной ситуации, позволяет концентрировать усилия на наиболее серьезных преступлениях, снижает риски излишней стигматизации правонарушителей, способствует укреплению правовой основы общества и, в конечном итоге, повышает доверие людей к органам правосудия.

13. Проведенное исследование подтвердило на примере Японии, что представления об эффективности смертной казни носят мифологический характер. Хотя сохранение этого института пользуется безусловной общественной поддержкой, представление населения о смертной казни также мифологизированы. С точки зрения общей превенции институт «высшей меры» не имеет значимости, ибо ни ее применение, ни ее отмена не оказывают какого-либо статистически заметного воздействия на динамику особо тяжких преступлений. В Японии в XXI в. тенденция к снижению числа смертных приговоров и приведения их в исполнение привела к тому, что

смертная казнь носит единичный и скорее символически архаический характер.

Теоретическая значимость исследования. Содержащиеся в диссертации основные положения и выводы служат определенным вкладом в разработку общетеоретических основ криминологической и уголовно-правовой науки, в частности разделов, посвященных тенденциям современной преступности, причинам и взаимодействию позитивных и негативных факторов, влияющих на преступность, формированию массовой психологии и правосознания, оптимизации уголовной политики, законодательства и правоприменительной практики, перспективам сравнительных криминологических исследований.

Практическая значимость исследования. Содержащиеся в диссертации теоретические положения, выводы и практические рекомендации могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти России по совершенствованию уголовной политики, уголовного законодательства и правоприменительной практики полиции, судебных органов и пенитенциарных учреждений, а также при разработке соответствующих социальных программ по активизации мер борьбы с правонарушениями, преступностью и минимизации их последствий.

Среди очевидных мер уголовной политики Японии, которые имеют практическое значение для России, следует рассмотреть не бесспорный, но крайне эффективной опыт японской модели стабильного коллектиivistского общества (в том числе и с точки зрения возрождения в России аналогичной роли коллективного воспитания советского периода, но исключительно на основе добровольной инициативы гражданского общества): работа волонтёров полиции, добровольных посетителей тюрем, добровольных помощников лицам, освобождаемым из мест лишения свободы; система тотального «соседского контроля», включающая обязательное условие осведомительства и делающая невозможной «никем незамеченной» уличной

преступности; тесная связь местного сообщества с «участковым уровнем» полиции, поддерживающая высокий уровень доверия к правоохранительным органам; включение в профилактику преступности охранных предприятий; тотальный технический контроль средствами не правоохранительных органов. Показателен пример успешного подавления организованной преступности именно путем общественной мобилизации: создания специального правоохранительного подразделения «анти-якудза» и «директоров по защите», опирающихся именно на многочисленные добровольные объединений граждан, которые составляют списки подозреваемых в принадлежности к якудза, ведут профилактическую деятельность в соседских общинах и школах, оказывают юридические услуги и помочь тем, кто столкнулся с якудза, активно работают по устраниению якудза от участия в публичных торгах, по лишению тех, кто связан с якудза, социальных пособий и помощи, исключению таких лиц из жилищных проектов, а также по удалению тематики якудза с прилавков книжных магазинов.

Для российского законодателя будет крайне полезен японский принцип обязательной интеграции мер «стратегии предупреждения преступности» в «комплексные программы развития» страны. В Японии, как наука, так и общество к XXI веку отошли от отраслевого подхода к уголовной политики, как к узкоспециализированному набору мер уголовной репрессии. Новое понимание уголовной политики как обязательного условия комплексных планов социального развития, стало одним из залогов эффективности борьбы с преступностью. Целью экономических программ стали не финансовые показатели роста, а комфортная общественная среда: стабильность экономической ситуации, солидарность общества в справедливости разделении национального продукта, умеренность общественного расслоения, консервативность социальных изменений – факторы, блокирующие сами причины делинквентного, не солидарного с общественными устоями поведения.

Результаты диссертационного исследования в настоящее время используются в учебном процессе ряда российских и японских учреждениях высшего юридического образования (в том числе спецкурсы ДВФУ, ВГУЭС, японского университета Кейо), а также могут быть использованы в курсах криминологии, уголовного права и сравнительного правоведения, в учебно-методической литературе для правоохранительных органов. В частности в 1998-2015 гг. материалы исследования использовались при разработке программ для практических работников в Центре сравнительного правоведения ДВФУ по современной уголовной политике, компаративной криминологии, особенностям борьбы с преступностью стран АТР, координации взаимодействия правоохранительных органов АТР.

Практические рекомендации по применению японского опыта борьбы с преступностью представлены российским правоохранительным органам, в том числе во время работы автора в 2000-2015 гг. в Научно-консультативном совете при Генеральной прокуратуре РФ, Общественном Совете при УВД ПК, рабочей группе Государственной Думы РФ.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы и положения диссертационного исследования обсуждались и были одобрены на заседаниях кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а также на кафедре уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, в научных дискуссиях на международных конференциях в США, Великобритании, Польше, Венгрии, Германии, а также в ходе длительных научных стажировок автора в Японии в 1997–2000, 2005, 2008, 2012 и 2015 гг.

Положения и выводы диссертации докладывались соискателем на научной конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики в условиях становления в России правового государства» (Владивосток, 1997 г.); на международной конференции «Российско-японские сравнительно-правовые исследования» (Токио, 1997 г.); на международной научно-практической конференции «Социально-экономические и политические процессы в

странах АТР» (Владивосток, 1997 г.); на научно-практической конференции «Идеологическая концепция уголовного законодательства» (Хабаровск, 1998 г.); на научной конференции «Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков» (Владивосток, 1998 г.); на межрегиональной научно-практической конференции «Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы» (Хабаровск, 1998 г.); на международной научно-практической конференции «Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков» (Владивосток, 1999 г.); на региональной научной конференции «Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики» (Красноярск, 1999 г.); на международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Хабаровск, 2001 г.); на II-й международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире» (Тамбов, 2005 г.); на конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Молодые юристы – науке и практике» (Владивосток, 2005 г.); на международной научной конференции «Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе» (Владивосток, 2005 г.); на международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: правоотношения и юридическая ответственность» (Тольятти, 2006 г.); на всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и тенденции российского законодательства в условиях преемственности государственно-правового развития России» (Саратов, 2008 г.); на VI-й международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире» (Тамбов, 2009 г.); на международной научно-практической конференции «Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения» (Владивосток, 2009 г.); на международном теоретическом семинаре «Незаконная международная миграция как угроза всеобщей стабильности и безопасности государств в XXI веке: правовое обеспечение сотрудничества

России и приграничных стран» (Владивосток, 2009 г.); на международной научно-практической конференции «Терроризм и экстремизм в России и странах АТР: проблемы правового регулирования и противодействия» (Владивосток, 2010 г.); на VII Российском конгрессе уголовного права «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели» (Москва, 2012 г.); на международной научно-практической конференции «Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики» (Владивосток, 2013 г.); на XII международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI в.» (Москва, 2015 г.); на XXVIII международной Балтийской криминологической конференции (Санкт-Петербург, 2015 г.), Международном Санкт-Петербургском Юридическом Форуме (Санкт-Петербург, 2015 г.), на 7-ом Международном Форуме уголовного права в эпоху глобализации (Пекин, 2015 г.).

Материалы исследования внедрены в научно-исследовательскую деятельность, в т.ч. в рамках участия автора в инновационных научно-образовательных проектах «Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран АТР как стратегический приоритет развития российской уголовной политики» (2012–2014 гг.); «Тенденции развития российского и зарубежного законодательства: формирование нового качества безопасности и сотрудничества России и стран АТР в XXI веке» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.). Материалы диссертационного исследования использовались автором в учебном процессе при чтении лекций и проведении практических занятий по уголовному праву и криминологии, при разработке и чтении пяти самостоятельных тематических спецкурсов в Юридической школе ДВФУ, а также в работе по переводу и представлении российской юридической

общественности уголовного законодательства Японии, в т.ч. в рамках подготовки к изданию в России Уголовного кодекса Японии (2002 г.). Практические рекомендации по применению японского опыта борьбы с преступностью представлены российским правоохранительным органам, в т.ч. во время работы автора в Научно-консультативном совете при Генеральной прокуратуре РФ, Общественном Совете при УВД ПК, рабочей группе Государственной Думы РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации определена целями и задачами исследования и состоит из введения, пяти глав, включающих четырнадцать параграфов, заключения и библиографического списка.

Во введении приводится обоснование актуальности выбранной темы исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются объект, цель и задачи исследования, излагаются методологическая основа, теоретическая, нормативная и эмпирическая база исследования, научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, обоснованность и достоверность результатов исследования, приводятся данные об апробации и внедрении результатов диссертационного исследования.

Глава I «**Основные тенденции и особенности преступности в Японии XX–XXI века**» раскрывает общую характеристику преступности, ее основные качественные характеристики, отличительные особенности в ретроспективе XX–XXI веков на основе анализа источников: в первую очередь «Белых книг о преступности» и «Белых книг полиции», а также ежегодных отчетов государственных органов Японии, докладов ООН, результатов ранее выполненных собственных социологических исследований и работ японских ученых.

Приведенный в первом параграфе сводный анализ статистики преступности Японии позволил автору составить график ее динамики за весь послевоенный период в сравнении с показателями ее раскрываемости и количеством арестов, а также составить статистический прогноз ее изменений в ближайшие годы. Последние данные «Белой книги полиции Японии» и оперативные статистически данные 2014-2015 гг. подтверждают вывод автора о продолжении тенденции стабильного снижения уровня общей преступности.

В работе приведены итоги опросов японцев, проведенных автором в 1998 г. и 2015 г. под руководством профессора А. Коморида в Институте социальных исследований Токийского государственного университета. Результаты опроса в целом подтверждают выводы зарубежных (К.Ито, Г. Келленз) и отечественных (В.В. Лунеев, В.Н. Еремин) криминологов о том, что рост преступности в Японии к концу XX века (т.е. к началу изучаемого периода) явился социальной платой за переход к умеренным темпам развития и перенапряжение общественных сил эпохи «японского экономического чуда». Это сказалось и на восприятии ситуации в массовой психологии, когда виктимологические исследования зафиксировали рост страха в обществе. И по данным японской статистики и по результатам опроса автора более половины опрошенных опасались в 90-е годы стать жертвами преступлений: 54% японцев боялись оказаться жертвами квартирных краж; 35% – ограблений; 17% – мошенничества. Хотя в реальности вероятность стать жертвой таких преступлений составляла соответственно 0,9%, 0,01% и 0,7%. К 2015 г. в связи со все более заметным ослаблением криминальной ситуации в стране резко изменилось и ощущение безопасности и настроения в обществе; по опросам населения, уже к началу 2009 г. уровень общественной безопасности вырос в 2 раза; возрос и уровень доверия полиции.

Второй параграф посвящен подробному сравнительному анализу преступности в Японии, России и других странах. В нем раскрываются как основные закономерности динамики и структуры преступности, схожие для

всех современных стран, так и принципиальные отличия японской преступности. Сравнительно-криминологический анализ динамики преступности в странах мира убедительно показывает, что при всех неблагоприятных изменениях количественные и качественные показатели преступности в Японии всегда выгодно отличались от показателей других развитых стран. Выводы эти сделаны не только на основе данных национальной статистики, но и на сравнительных данных ежегодных обзоров Организации Объединенных Наций, статистики Интерпола, статистики европейских стран (ЕВРОСТАТ) и многочисленных исследований.

Исследование японского опыта учета и статистического анализа преступности подтвердило также особую актуальность проблематики латентности для анализа преступности в России, где оценка деятельности полиции, соотносимая лишь с данными о зарегистрированной преступности, не будет отражать реального положения вещей.

Глава II «Трансформация преступности в Японии в контексте социальных изменений XXI века» раскрывает наиболее актуальные стороны преступности Японии: преступность несовершеннолетних, геронтологическая преступность, наркопреступность, компьютерную преступность и организованную преступность.

Применение комплексного сравнительно-криминологического подхода дало возможность достоверно отобразить статистические наблюдения в период с 1980 по 2015 гг., а также рассмотреть процессы, конструирующие специфику криминогенной ситуации в Японии, циклические изменения преступности начиная с 1991 г. (ибо именно с 1990-х годах XX в. в стране начались ощутимые изменения в динамике, характере и в структуре преступности связанные с экономической рецессией и социальной вестернизацией), прохождение пика преступности в начале XXI века и последующий ее спад на протяжении последних 12 лет.

В работе доказывается, что последний и самый крупный всплеск преступности в Японии в начале XXI в. был связан не только с

количественными изменениями, но и с нараставшими неблагоприятными изменениями качественного плана - с изменением структуры преступности: увеличение числа имущественных преступлений, насильственных, особенно грабежей, преступлений несовершеннолетних, правонарушений, связанных с использованием новых технологий, незаконным оборотом наркотиков и, наконец, увеличение масштабов организованной преступности повлияло на снижение раскрываемости преступлений.

Первый параграф раскрывает проблему делинквентного поведения японской молодежи и ее последующей социализации по мере взросления и интеграции в общество. В работе проанализированы причины молодежной преступности: влияние «вестернизации» общественной жизни конца XX века, отчуждение молодежи от общенациональных интересов, несолидарность с традиционными ценностями, противоречие принимаемой западной культуры свободы и индивидуализма традиционному патернализму. Анализ половозрастной структуры японской преступности показывает девиацию поведения молодежи в 15-20-летнем возрасте, которая однако в последующие годы, после взросления этой группы, не приводит к росту преступности в следующей возрастной группе, в т.ч. не дает рецидивной преступности. Причиной этой закономерности является успешная социализация молодежи и ресоциализация молодых делинквентов, особенности которой и раскрыты в работы.

Отдельно во втором параграфе рассмотрен новый для криминологии феномен растущей гендерной преступности, во многом связанный с проблемой старения общества, и актуальный не только для Японии, но и для Европы и России. Причинами такого явления становятся и снижение уровня социального обеспечения части этой группы, обострившиеся конфликты в эпоху потребления, распад, особенно в городах, традиционных японских семей. Обратной стороной старения общества становится растущая статистика жертв преступлений среди старшего поколения, беспомощного и менее адаптированного к меняющемуся обществу, чему посвящено отдельное виктимологическое исследование.

В третьем параграфе изложены причины стабильно низкого уровня наркотической опасности в Японии. Благодаря крайне жесткому уголовно-правовому запрету, последовательной борьбе наркополиции Японии и специального Бюро по проблемам наркомании, даже несмотря на географическую близость Японии к странам-производителям кокаина и героина, наркотики не становятся популярными среди молодежи. В работе приводятся достаточно эффективные японские методы лечения от наркотической зависимости и реабилитации. В результате комплекса мер в Японии нет роста наркопотребления; наоборот, просматривается обратная тенденция, особенно среди молодежи. К тому же, судя по приведенным в исследовании показателям, даже в среднесрочной перспективе реальной основы для прогнозирования роста распространенности этого явления в Японии нет.

Четвертый параграф посвящен современной проблеме компьютерной преступности. Япония в процессе технологического скачка одной из первых столкнулась с переходом преступности в «виртуальный» мир, однако правоохранительные органы сформировали действенные ресурсы противостоящие новой угрозе. Об эффективности японской системы противодействия компьютерной преступности говорят сравнительные международные данные об уровне распространности жертв киберпреступлений: Россия – 85%; Китай – 77%; Канада – 68%; Индия – 65%; США – 63%; Австралия – 60%; Германия – 53%; Япония – 19%.

В пятом параграфе на основе анализа борьбы с организованной преступностью Японии приводятся доказательства возможности подавления наиболее опасных форм преступности средствами эффективной уголовной политики, планомерного ее вытеснения из общественной жизни, лишения «якудза» традиционной ниши в японском обществе и культуре. В работе проанализированы изменения деятельности ведущих организованных группировок «якудза» в конце XX – начале XXI века, причины потери их влияния, переход от насильтственной преступности в «полулегальную» сферу, приведены формы уголовно-правового контроля, ужесточения законодательства и правоприменительной практики.

Глава III «Причинный комплекс преступности в Японии в XXI веке» посвящена анализу историко-культурных и социально-психологических факторов противодействия преступности и факторам, негативно влияющим на рост преступности. Исследование доказывает, что в современном обществе возможно построить социальную модель, принимающую новации (в т.ч. и «западные», не совпадающие по менталитету и типам социального поведения с национальными) и сохраняющую традиционные ценности и установки. Феномен успешной борьбы с преступностью состоит в стабильности общественных отношений, не допускающих резких изменений и направленных на социализацию несолидарных социальных групп, таких как молодежь.

В первом параграфе раскрываются причины, почему криминальная активность в Японии, где население придерживается своих традиционных нравственных ценностей, значительно ниже, чем в тех странах, где следуют современным западным стереотипам поведения. Другими словами, бросающиеся в глаза относительно низкие показатели преступности в Японии во многом обусловлены мощным антикриминогенным потенциалом национального традиционализма, который зачастую блокирует социальные девиации и криминальные инициативы еще на уровне мотивации.

Во втором параграфе описан процесс негативного воздействия вестернизации на японское общество, размывающей традиционные устои и ведущей к делинквентному поведению. Острота этой социальной проблемы осложнилась экономическим кризисом – длительным периодом рецессии в Японии в конце XX века. В работе рассматриваются криминогенные аспекты этого периода, во многом схожего с переходным экономическим периодом России начала 90-х годов. Всплеск прозападного влияния и негативного изменения общественного сознания в этот период вовсе не был случайным, ибо именно в этот период Японию охватил сильнейший экономический и финансовый кризис («край трех мыльных пузырей»), последствия которого, особенно социально-психологического характера, вызвали описанный в работе скачек преступности. Однако отличительная особенность японской

социальной модели - способность общества и государства к мирной рецепции нового без отрицания сложившихся стереотипов поведения большинства населения, что в значительной степени нивелировало негативное влияние новой культуры и в последующем ассимилировало западные ценности в традиционное общество.

Специфика криминологического феномена Японии состоит в том, что в его формировании даже в современную эпоху воздействия культуры западного индивидуализма, ставящей под сомнение прочность традиционных социальных регуляторов, определяющую роль играла редкая совокупность позитивных факторов, противодействующих, а не способствующих, как в других современных странах, развитию криминальных процессов. Не игнорируя значимость негативных факторов, следует признать, что в Японии не они, а именно позитивные факторы явились определяющими специфические тенденции, характер и структуру преступности, именно они главным образом определяли смысл, направленность и адекватность государственной криминологической и уголовно-правовой политики и правоприменительной практики.

Глава IV «Уголовно-правовая политика в современной Японии» раскрывает особенности уголовного законодательства и практики его применения и основные направления и особенности реализации уголовно-правовой политики Японии, методы подавления и сдерживания преступности, возможность их рецепции в российской правоохранительной деятельности.

В первом параграфе раскрыты особенности уголовного законодательства и практики его применения в Японии. В частности приводятся результаты, проведенных в 1997 г. и 2015 г. автором исследований по методике опроса НИИ полиции Японии 1977 г. о восприятии общественностью справедливости криминализации деяний японским законодателем, адекватности санкций и правоприменительной практики. Приведенные данные показывают, что на протяжении этих сорока лет, несмотря на изменения общества, экономические кризисы, новые криминогенные вызовы, сохраняется высокий уровень общественной

поддержки японской уголовной политики. Результаты опросов доказывают соответствие мер уголовно-правовой политики социальным ожиданиям, совпадения оценок различных общественных групп опасности и наказуемости деяний, справедливости уголовной репрессии и мер социального воздействия. Хотя по сравнению с исследованием 1977 г. в восприятии ряда асоциальных явлений (например, проституции, уклонении от уплаты налогов) произошли несомненные изменения в сторону более снисходительного отношения общества к ним, в целом исследование показывает совпадение оценки общественностью и уголовно-правовыми нормами степени тяжести указанных деяний. Таким образом, эффективность уголовно-правовой политики Японии заключается в том, что уголовный закон стабильно отражает мнение общественности, что в долгосрочной перспективе гарантирует его восприятие обществом как справедливого и обязательного к исполнению.

Второй параграф раскрывает основные направления и особенности реализации уголовно-правовой политики Японии.

Особенностей уголовно-правовой политики в Японии состоит в приоритете рационального начала – как на уровне криминализации деяний, так и в практике применения мер воздействия на правонарушителей, – где предпочтительным является максимально экономное расходование уголовной репрессии. Эта генеральная линия реализуется на всех уровнях и на всех этапах правоприменительной деятельности. В инструментальном плане этому способствуют: дискреционный принцип возбуждения уголовного преследования; «принцип целесообразной ответственности»; дискреционные полномочия прокурора для выбора судебной процедуры по значительному кругу преступлений, что, в конечном счете, определяет вид и меру наказания; вариативность пределов наказания, в следствие широких возможностей от судебского усмотрения. Все это не исключает обоснованной суровости санкций.

Анализируя особенности уголовного законодательства Японии и всей системы мер воздействия на преступность, одни исследователи обращают особое внимание на многочисленные «мягкие элементы» этой системы,

относят её к разряду «семейной модели» (Д. Фут, В. Клифорд), а другие, наоборот, усматривают в ней «чрезмерный либерализм». Однако абсолютное большинство криминологов дает ей высокую оценку; отмечают её патерналистский характер и в целом характеризуют ее как «благожелательную», ибо в ней удалость совместить относительную мягкость с высокой эффективностью.

Глава V «Особенности реализации уголовной политики Японии в наказаниях в виде смертной казни и пожизненного лишения свободы» раскрывает наиболее интересные для криминогического анализа особенности законодательства и практика назначения смертной казни в Японии, практики исполнения смертной казни и практика применения пожизненного лишения свободы. Они имеют уникальный среди других стран особенности, современная японская криминология относит их к эффективным с точки зрения общей превенции, а японское общественное мнение традиционно демонстрирует высокий уровень их поддержки.

Особенностью Японии является то, что институт смертной казни сохранен, что соответствует социальным ожиданием японцев и пользуется поддержкой большинства населения. При этом сохранен и традиционный способ приведения приговоров в исполнение (повешение). Однако практика его исполнения своеобразна, казни проводятся с многолетней отсрочкой и связаны больше с политическим курсом очередного правительства. Гуманизация уголовной политики в свою очередь привела к тому, что самих приговоров единицы, японские криминологи признают, что сама казнь мифологизирована и не является эффективным средством в борьбе с преступностью.

В работе подробно анализируется динамика вынесения и исполнения приговоров за последние 40 лет, качественная структура преступлений, повлекших сметные приговоры. Статистический анализ данных, сравнение с данными других развитых стран, приведенные результаты социологических опросов убедительно показывают отсутствие какой-либо значимой превентивной роли смертной казни, ее неэффективности для достижения

целей криминологической политики. Однако сохранение этого института соответствует сложившимся стереотипам общественного мнения и является неrudиментом, но последовательным сохранением традиции.

В последние годы складывается все более ощутимая тенденция к ужесточению практики назначения и исполнения пожизненного лишения свободы по отношению к лицам, совершившим тяжкие преступления. Такая тенденция особенно заметна на фоне практики смягчения исполнения срочного лишения свободы, где различные формы досрочного освобождения от наказания применяются весьма широко.

В заключении обобщаются результаты диссертационного исследования, формулируются основные выводы и предложения по учету японского опыта в уголовной политике России, раскрывается перспективность дальнейшей разработки темы.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации опубликованы в 7 монографиях, курсе лекций и научных статьях, подготовленных автором. **Всего по теме диссертации автором опубликовано 69 печатных работ общим объемом около 94 печатных листов, в т.ч. 26 в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.**

Монографии:

1. Морозов Н.А. Преступность в Японии и борьба с ней. - Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. - 215 с. - 10 пл.
2. Морозов Н.А., Квашис В.Е., Те И.Б. Смертная казнь: США и Япония. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. - 20 пл.
3. Морозов Н.А. Сравнительно-правовой анализ преступности в современной Японии. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 92 с. - 5,2 пл.

4. Морозов Н.А., Квашис В.Е., Те И.Б. Соединенные Штаты Америки и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. - 20,5 п.л.
5. Морозов Н.А. Японии: преступность и уголовная политика. - Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2016. - 455 с. - 23,5 п.л.
6. Морозов Н.А. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование: монография / авт. коллектив, отв.ред. А.И. Коробеев. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008, 272 с. – 1,2 п.л.
7. Морозов Н.А., Конституционно-правовые основы миграционной политики России и стран АТР (гл. IV-V, с. 247-285) / отв. ред. проф. А.И. Коробеев. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 288 с. – 1 п.л.
- Учебные пособия:*
8. Морозов Н.А. Программа курса «Основы российского государства и права» (для иностранных студентов). - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. - 1 п.л.
9. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. VIII / Под ред. проф. А.И. Коробеева. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.
10. Российское уголовное право. Часть Общая (учебное пособие). - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. - 0,5 п.л.
11. Морозов Н.А. Программа спецкурса «Преступность и уголовная политика современной Японии». - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. - 0,2 п.л.
12. Морозов Н.А. Программа спецкурса «Особенности современной уголовной политики Японии». - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. - 0,25 п.л.
13. Морозов Н.А. Программа спецкурса «Преступность и борьба с ней в переходные экономические периоды (на примере России и Японии) в XX-XXI веке. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. - 0,25 п.л.

14. Морозов Н.А. Программа спецкурса «Уголовная политика современной Японии». - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. - 0,25 п.л.
15. Морозов Н.А. Особенности причинного комплекса преступности стран АТР. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. - 0,25 п.л.
16. Морозов Н.А. Особенности уголовной политики Японии и стран АТР. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. - 0,25 п.л.
17. Криминогенные факторы в переходные экономические периоды (на примере России и страны АТР). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010. - 0,25 п.л.
18. Компаративный анализ уголовной политики России и Японии. - Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. - 0,25 п.л.
19. Особенности современной уголовной политики Японии и России в пореформенный период. - Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2012. - 0,25 п.л.

Статьи в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

20. Морозов Н.А., Михеев Р.И., Коидзути Е., Михеев И., Михеева М. Уголовный кодекс Японии 1907 г. (в редакции Закона № 91 от 12 мая 1995 г.) // Азиатско-Тихоокеанский регион, № 1, 2000. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 115-119. - 0,25 п.л.
21. Морозов Н.А., Коробеев А.И. Некоторые особенности особенной части уголовного права Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион. Научный и общественно-политический журнал. № 1 (7) - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003, С. 67-76. - 0,2 п.л.
22. Морозов Н.А., Коробеев В.А., Крылова Я.Г. Особенности преступности в Японии // Бизнес в законе. № 4 - М.: Изд. Дом «Юр-ВАК», 2008. С. 160-165. - 0,3 п.л.

23. Морозов Н.А., Коробеев В.А., Крылова Я.Г. Особенности государственного регулирования миграции в странах АТР // «Бизнес в законе», 2009, №1, с. 71-75. - 0,2 п.л.
24. Морозов Н.А., Шевцов А.С. Проблема оборота огнестрельного оружия на Дальнем Востоке // Журнал российского права. № 1 - М.: Норма, 2010. - 168 с., С. 105-113. - 0,3 п.л.
25. Морозов Н.А. Наркопреступность в Японии: анализ и стратегия борьбы // Наркоконтроль. № 3 - М.: Юрист, 2011. - 40 с., С. 7-10. - 0,3 п.л.
26. Морозов Н.А. Законодательное регулирование оборота огнестрельного оружия в Японии, Китае, Филиппинах // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право, № 2 (24), 2011. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2011. С. 71-78. - 0,25 п.л.
27. Морозов Н.А. Основные квалификации методов, используемых в Японии, для предупреждения и борьбы с девиантным поведением молодежи // Альма-Матер. Вестник высшей школы, 2013, №3, с.93-98. - 0,25 п.л.
28. Морозов Н.А. Новые тенденции в преступности Японии и России // Бизнес в законе. № 2 - М.: Изд. Дом "Юр-ВАК", 2013. - 264 с., С. 112-116.
29. Морозов Н.А. Международный терроризм в Азиатско-Тихоокеанском регионе // «Международное уголовное право и международная юстиция» - М.: Юрист, 2013, №2, - 31 с., С. 15-19. - 0,3 п.л.
30. Морозов Н.А. Япония – новое поколение без наркотиков // Проблемы в российском законодательстве. № 2 - М.: Медиа-ВАК, 2013. - 282 с., С. 107-109. - 0,3 п.л.
31. Морозов Н.А., Квашис В.Е., Генрих Н.В., Камалова А.К. Российская преступность в зеркале международной статистики // «Научный портал МВД России», 2013, №3 (23), с. 41-49. - 0,5 п.л.
32. Морозов Н.А., Генрих Н.В., Камалова А.К. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд. № 3 (35) - М.: ООО "Российский криминологический взгляд", 2013. - 500 с., С.373-380. - 0,4 п.л.

33. Морозов Н.А., Коробеев А.И. Особенности современной организованной преступности в Японии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. № 3 (25) - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. - 196 с., С. 159-164. - 0,4 п.л.
34. Морозов Н.А., Квашис В.Е. Организованная преступность в Японии // «Научный портал МВД России», 2013, №4 (24), с. 121-130. - 0,5 п.л.
35. Морозов Н.А., Коробеев А.И. Возрастные аспекты делинквентного поведения в современной Японии // Азиатско-Тихоокеанский Регион. Экономика. Политика. Право. №2 (29), 2013. С. 151-160. - 0,5 п.л.
36. Морозов Н.А. Геронтологический аспект преступности в Японии // Общество и право, 2014, №1(47), С.132-135. - 0,2 п.л.
37. Морозов Н.А. Борьба с компьютерной преступностью в Японии // Общество и право, 2014, №2(48), С. 141-145. - 0,2 п.л.
38. Морозов Н.А., Генрих Н. В. Законодательство и практика противодействия киберпреступности в Японии // Российский криминологический взгляд, 2014, № 1, с. 420-426. - 0,2 п.л.
39. Морозов Н.А. Практика борьбы с киберпреступностью в Японии в начале ХХI в. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2014, № 3-4, с. 135-147. - 0,5 п.л.
40. Морозов Н.А., Квашис В.Е. Особенности причинного комплекса преступности в Японии (методологический аспект) // Общество и право, 2015 (51), №1, с. 164-169. - 0,3 п.л.
41. Морозов Н.А., Квашис В.Е. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Научный портал МВД России, 2015, №1 (29), с.120-126. - 0,3 п.л.
42. Морозов Н.А., Квашис В.Е. Основные тенденции преступности в Японии // Уголовное право, 2015, №2, с. 131-134. - 0,2 п.л.

43. Морозов Н.А. Новые тенденции в наркопреступности в Японии в XXI веке // Наркоконтроль, 2015, № 2, с. 42-48. - 0,25 п.л.

44. Морозов Н.А. Террористическая угроза распространения "Исламского государства" в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. политика. Право. 2015. № 4. Ст. 22-34. - 0,8 п.л.

45. Морозов Н.А., Квашис В.Е. Основные тенденции в практике назначения и исполнения смертной казни в Японии // Общество и право, 2015, №4. - 0,4 п.л.

Иные статьи и публикации:

46. Морозов Н.А. Коррупция в современной Японии и меры борьбы // Коррупция и борьба с ней. – М., Российская Криминологическая Ассоциация, 2000, 320 с. С. 231-234. - 0,2 п.л.

47. Морозов Н.А., Михеев Р.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в Японии: региональные особенности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сборник материалов международной научно-практической конференции. 29-31 марта 2001 г. - Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2001. С. 234-238. - 0,2 п.л.

48. Морозов Н.А., Чу Се Джон, Джо Шань Шень. Особенности преступности, уголовной политики, правосознания и правовой культуры в странах АТР // Закон. Журнал Ассоциации юристов ПК для прокуроров и следователей, 2003, №1. - 0,2 п.л.

49. Морозов Н.А. Региональные аспекты правовой реформы // Материалы Законодательного Собрания Приморского края, 2003. -0,31 п.л.

50. Морозов Н.А. Зарубежный опыт государственного строительства // Вестник Законодательного Собрания Приморского края. Выпуск, №20 - Владивосток, 2005, 30 с. - 2 п.л.

51. Морозов Н.А., Кочетков Н.В., Крылова Я.Г. Уголовно-правовая защита представителей власти в «закрытых» политико-правовых режимах // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире: Материалы II-й Международ. Научно-практ. Интернет-конференции. / Отв. Ред. В.Н. Окатов. - Тамбов: Першина, 2005, 437 с. С. 106-109. - 0,1 п.л.

52. Морозов Н.А., Кочетков Н.В. Особенности уголовной ответственности за уклонение от военной и альтернативной службы в России и странах АТР // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире: Материалы II-й Международ. Научно-практ. Интернет-конференции. / Отв. Ред. В.Н. Окатов. - Тамбов: Першина, 2005, 437 с. С. 109-112. - 0,2 п.л.

53. Морозов Н.А. Использование японского опыта для моделирования законодательства в российском регионе // Молодые юристы - науке и практике. Материалы конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Владивосток, 14 апреля 2005 г. / Отв. за вып.: Чернышова В.О. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. - 352 с., С. 232-235. - 0,2 п.л.

54. Морозов Н.А., Кочетков Н.В., Крылова Я.Г. Особенности криминологической политики Японии // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / Отв. ред. проф. А.И. Коробеев. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. - 344 с. С. 244-249. - 0,3 п.л.

55. Морозов Н.А., Кочетков Н.В. Современное уголовное законодательство зарубежных стран в части уклонения от военной и альтернативной службы // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Правоотношения и юридическая ответственность. Материалы Международной научной конференции. Ч. 1 / Отв. ред.: Хачатуров Р.Л., Якушин В.А. - Тольятти: ВУиТ, 2006. - 278 с., С. 179-182. - 0,2 п.л.

56. Морозов Н.А., Гузев М.А., Никитина Е.Ю. Применение метода квантовой статистики в криминологии // XXXII Дальневост. математическая школа-семинар имени ак. Е.В. Золотова: Тезисы докладов, Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2007. С. 62-64. - 0,1 п.л.

57. Морозов Н.А., Крылова Я.Г., Шевцов А.С. Противодействие незаконному обороту оружия на Дальнем Востоке // Современное состояние и тенденции российского законодательства в условиях преемственности государственно-правового развития России. Сборник научных трудов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции 23 мая 2008 г., г. Балаково) / Отв. ред.: Вавилин Е.В., Петров Д.Е. - Саратов: Изд. центр "Наука", 2008. - 300 с., С. 257-268. - 0,6 п.л.

58. Морозов Н.А., Яцкович Н.Ю. Компаративный анализ современной уголовной политики России и Японии // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире: материалы VI-й международ. научно-практ. интернет-конференции. / отв. Ред. В.Н. Окатов. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С. 211-214. - 0,2 п.л.

59. Морозов Н.А. Криминогенные факторы переходных экономических периодов в развитии Японии // Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения: материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Коробеев А.И. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. - 468 с., С. 202-205. - 0,2 п.л.

60. Морозов Н.А., Коробеев В.А., Крылова Я.Г. Особенности государственного регулирования миграции в странах АТР // Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения: материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Коробеев А.И. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. - 468 с., С. 377-381. - 0,2 п.л.

61. Морозов Н.А., Крылова Я.Г. Особенности правового регулирования миграции в Японии // Незаконная международная миграция как угроза всеобщей стабильности и безопасности государств в XXI веке: правовое обеспечение сотрудничества России и приграничных стран.

Материалы международного теоретического семинара. Владивосток: Издательство Дальневост. ун-та, 2009, 207 с. С. 186-190. - 0,3 п.л.

62. Морозов Н.А., Кочетков Н.В. Особенности правового регулирования миграции в КНДР, Филиппинах, Таиланде // Незаконная международная миграция как угроза всеобщей стабильности и безопасности государств в XXI веке: правовое обеспечение сотрудничества России и приграничных стран. Материалы международного теоретического семинара. Владивосток: Издательство Дальневост. ун-та, 2009, 207 с. С. 201-204. - 0,2 п.л.

63. Морозов Н.А., Международный терроризм и особенности его проявления в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Филиппины, КНДР) // Терроризм и экстремизм в России и странах АТР: проблемы правового регулирования и противодействия: материалы международной научно-практической конференции / Науч. ред.: Коробеев А.И. - Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010. - 216 с., С. 176-185. - 0,3 п.л.

64. Морозов Н.А. Состояние преступности в РФ // «Вестник МГОУ», серия «Экономика и право», 2012, №4, с.73-75. - 0,2 п.л.

65. Морозов Н.А. Основные направления уголовной политики Японии. История вопроса // Новый юридический журнал. Издательство: Юркомпани (Москва) ISSN: 2076-278X. - 2013. - №2. - С. 193-199. - 0,3 п.л.

66. Морозов Н.А. Тенденции компьютерной преступности в Японии в XXI в. // Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики. Материалы международной научно-практической конференции, Владивосток, 1-2 октября 2013 г. / Науч. ред.: Коробеев А.И. - Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2013. - 398 с., С. 262-266. - 0,3 п.л.

67. Морозов Н.А. Основные направления уголовной политики Японии // Образование и право. - 2013. - № 9. - С. 169-177. - 0,6 п.л.
68. Морозов Н.А., Квашис В.Е. К итогам исследований преступности и уголовной политики Японии // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна // Сборник материалов XXVIII международной Балтийской криминологической конференции. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. проф. В.Ю. Сморгуновой, проф. Я.И. Гилинского, проф. Н.А. Исаева. – Санкт-Петербург, ИД «Алеф-Пресс», 2015, 250 с., с. 204-211. - 0,4 п.л.
69. Морозов Н.А. Высшая мера наказания в уголовно-правовой практике современной Японии // The seventh session of the International Forum on Crime and Criminal Law in the Global Era, 28-30.11.2015. – Пекин, 2015, 220 с., с. 120-127. - 0,4 п.л.

Подписано в печать 12.01.2016 г.

Тираж 100 экз.

Типография Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Москва, ул. Академика Хохлова, 11